

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ГРУППИРОВКИ В БАГРАТИДСКОМ ЦАРСТВЕ НАКАНУНЕ ЗАХВАТА АНИ ВИЗАНТИЕЙ*

Р. И. МАТЕВОСЯН

Неприемлемы и другие высказывания В. Степаненко о политике Саргиса во время кризиса 1041—1045 гг. Резюмируя события зимы 1041—весны 1042 г., Степаненко констатирует, что борьба регента и шахишаха (т. е. Гагика II) имела характер борьбы за власть и со стороны первого ни в коей мере не была связана с интересами Византии. Саргис боролся за свои интересы, отстаивал свою власть в анийском уделе¹.

Более чем наивное обобщение событий 1041—1042 гг.

Саргис прекрасно знал, что Византия стремится любой ценой захватить царство Багратидов. Это было реализацией ее давней политики на Востоке, а не акция-самоцель против Гагика на данный момент. Независимо от того, какая династия царствовала бы в Армении, Византия потребовала бы царство на основе Трапезундского соглашения. Какой был смысл Саргису занимать престол, если его тут же надо было защищать от притязаний Византии. Смысл конечно был, но лишь при гарантии успешного отражения имперской агрессии. А имел ли Саргис столько сил? Ведь в случае удачи и захвата трона ему пришлось бы бороться на два фронта—против Византии и против Багратидов вместе с Пахлавуни (т. е. армии), которые никогда не смирились бы с падением Багратидской династии. Мы считаем, что Саргис был достаточно трезвым политиком для того, чтоб понять шаткость своих притязаний на престол. Ни от армянских феодалов и даже ни от Византии он не получал признания своих прав на царство. Его притязания на трон требуют более детального анализа при намного более скрупулезном исследовании данных первоисточников.

С другой стороны, в сочинении Маттеоса Урцаеци имеется прямое указание на откровенно провизантийскую ориентацию Саргиса сразу же после смерти царя Иованнеса. Считаю необходимым привести соответствующий отрывок в оригинале: «այր ննդավոր, անուն Ազատ Սարգիս Հայկազն, ազդ անէր Հոռոմոց և ի տուր տայր զաշխարհն Հայոց և զանձատունն առաջին թագաւորացն Հայոց յափշտակեալ և ասորաւ յԱփսազք, ըրրդամուտ եղեալ, և աւանս բազումս հառ ընդ ձեռամբ իւրով և կամեցաւ թագաւորել ի վերայ Հայոց, զոր ոչ ընդունեցին զնա ազգի Բագրատունեաց, վասն զի Հայկազն էր»². Перевод: «некто из азатов «дома Армянского», «муж коварный, по имени Азат Саргис Айказн известил ромеев и передал (дословно—подарил) страну Армянскую и казну первых царей армянских увез в Абхазию, вошел в крепость, захватил много аванов и желал царствовать в Армении, но не принял его род Багратуни, поскольку был (он) Айказном». В приведенном отрывке

* Начало статьи см. в № 8 за 1990 г.

¹ В. Степаненко, К идентификации личности веста в «Матнэне Картлисэ» (Византийский вестник, т. 41, М., 1980, с. 169).

² Маттеос Урцаеци, Хронография, Вагаршапат, 1898. Слово տուր, տուր-տուրութիւն означает подарок, пожалование, налог, подкуп и т. д. (Новый словарь армянского языка, т. 2, Венеция, 1837, с. 892, 893).

для выяснения интересующего нас вопроса особенно важно то обстоятельство, что сразу же после смерти Ованеса именно Саргис оповестил ромеев о кончине царя, т. е. о том, что наступило время потребовать царство, но не ограничившись этим, он сам передал (в оригинале сказано—*տառ տառ*) Армянское (в данном случае—Багратидское) царство ромеям. Лишь после этого он захватил крепость (из сочинения Аристакееса известно, что речь идет о цитадели Ани)³ и намеревался «царствовать». Естественно, у исследователя должен возникнуть вопрос—как совместить два упомянутых шага (акции) Саргиса, которые противоречат друг другу. Какой смысл обращаться к ромеям, т. е. призывать их к захвату Ани и в то же время самому стремиться к царствованию в том же Ани?

Ответа на этот вопрос В. Степаненко не дает, он лишь стремится «пересмотреть» традиционную версию о политической линии Саргиса, не объясняя, почему преследовавший «свои цели» Саргис вдруг сменил свою политику и после воцарения Гагика стал рьяным сторонником Византии. Неужели он считал, что Византия, захватив Ани, сделает его царем? Конечно, нет, ориентировка на Византию имела более серьезную подоплеку. Об этом скажем в нашем заключении. В то же время Степаненко специально рассматривает роль Саргиса в захвате Анийского царства Византией, ибо она явилась, как он пишет, «основанием для объявления его главой провизантийской группировки, сыгравшей решающую роль в сдаче Анийского царства Византии»⁴. Он приводит общеизвестные сведения Урбаеци и Ластивертци о деятельности Саргиса—его попытках убедить Гагика II принять приглашение императора Мономаха, о колебаниях Гагика и «клятве» Саргиса и других азатов, о грамоте, скрепленной подписью и печатью католикаса. Гагик в конце концов поддался на уловку Саргиса, не послушал Вафрама Пафлавуни и отправился в Константинополь⁵. Для Урбаеци, пишет В. Степаненко, трагедия Ани в том, что во время пребывания Гагика II в столице (т. е. в Константинополе), изменники, давшие клятву верности, прислали Мономаху ключи Ани, что и предопределило капитуляцию шахиншаха⁶. Однако, по мнению В. Степаненко, реальная действительность была намного сложнее. Он разделяет мнение К. Юзбашяна о том, что «увлеченные нравственным аспектом, армянские авторы драматизируют события и излагают факты применительно к своей этнической концепции»⁷.

Действительно, пишет В. Степаненко, Урбаеци сознательно преуменьшает значение частично известного ему комплекса предпринятых Византией мер военного и дипломатического характера, сыгравших решающую роль в капитуляции шахиншаха, в частности походов имперских войск в 1044 г. с целью захвата анийского удела.

Что же касается роли группировки Саргиса Хайказна, то Ластивертци ничего не знает о послании Саргиса императору и выдаче ему ключей от Ани. Более того, Аристакеес пишет, что когда Гагик II находился в Константинополе, сюда прибыл Григор Пафлавуни и, видя, что Гагика не отпускают в собственную страну, вручил императору

³ Повествование вардапета Аристакееса Ластивертци, перевод с древнеармянского К. Юзбашяна, М., 1968, с. 81.

⁴ В. Степаненко, указ. соч., с. 170.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ В. Степаненко, указ. соч., с. 170. Ср.: К. Юзбашян, Скилица о захвате Анийского царства в 1045 г. (Византийский временник, т. 40, М., 1979, с. 83).

ключи от Бджни, передал ему наследственную вотчину в обмен на византийский сан, административный пост и земельные пожалования в Месопотамии⁸.

Поездка шахиншаха, пишет В. Степаненко, во многом объясняется причинами внешнеполитического характера—походами византийских войск против Ани и набегами на территорию царства отрядов Шаддадида Абу-л-Асвара, вступившего в союз с империей. Значительную роль сыграла и слабость внутривосточных позиций шахиншаха, в частности оппозиция ему со стороны группировки Саргиса Хайказна, объективно способствовавшей успеху империи. В совокупности все это содействовало слабости позиций Гагика II на переговорах в Константинополе, отход же от него Пафлавуни означал окончательный крах внутривосточных позиций шахиншаха и предопределил его капитуляцию перед империей⁹.

Не можем согласиться с выводом В. Степаненко о сознательном преуменьшении историком Урбаеци значения военно-дипломатических мер, предпринятых Византией. Эти меры—походы имперских войск, дипломатическая борьба вокруг анийского престола—ему хорошо известны и подробно описаны, отсюда ясно, что историк вполне объективно изложил события, развернувшиеся вокруг Анийского наследства. Кроме того, решающую роль в отречении Гагика сыграли не военные меры, поскольку все четыре похода византийцев провалились (из них два последних были предприняты уже после прибытия Гагика в Константинополь).

О Шаддадиде Абу-л-Асваре византийский историк XI в. Скилицес пишет, что по наущению императора Мономаха он выступил против Гагика и захватил «множество крепостей и областей». Гагик, с одной стороны, ведя борьбу против ромейского войска, с другой—подвергаясь набегам правителя Двина, будучи совершенно подавленным, заключил мир с паракимоменосом (т. е. византийским военачальником), через него сдался императору и передал Ани. Прибыв к императору, он получил достоинство магистра, много доходных областей в Каппадокии, Ликандосе, Хорсиане, после чего жил спокойно и мирно¹⁰. Если сравнить оведение Скилицеса с сообщениями армянских историков XI—XII вв., то нетрудно заметить тенденциозность византийского автора. Во-первых, Скилицес извращает ход событий, заявляя, что Гагик отказался от Ани и царства до прибытия в Константинополь. Это явная перетасовка фактов, из сообщений армянских источников (причем не только Ластивертци и Урбаеци) хорошо известно, что Гагик вынужден был отказаться от Ани, находясь в плену у императора. Во-вторых, весьма спорно сообщение о ходе борьбы с двинским эмиром. Возможно, Абу-л-Асвар и захватил несколько крепостей армянского царя, но согласно армянским источникам, Гагик их отобрал.

После того, как первые походы византийских войск закончились провалом, царь Гагик отобрал у Саргиса свои крепости и казну, пи-

⁸ В. Степаненко, указ. соч., с. 170. Показательно, пишет автор, что перед отъездом в Константинополь, Гагик назначил регентом католикоса, а не кого-либо из Пафлавуни, которым он был обязан престолом (там же, с. 170, 171). Неверно, католикос не был назначен регентом, а призван в посредники, каковыми традиционно бывали духовники (в Армении—католикосы).

⁹ Там же, с. 171.

¹⁰ См. Иоанн Скилицес, перевод с оригинала, предисловие и примечания Р. Бартияна, Ереван, 1979, с. 147, 148 (перевод на армянский язык).

шет Урбаеци, подчинил всех непокорных и с многочисленным войском вышел в область Айраратскую, чтобы отомстить «южному племени»¹¹. Здесь поименно не упоминается, с кем боролся Гагик в Айраратской области, но вне всякого сомнения, что он воевал с Двинским эмиратом, причем успешно. Эта борьба закончилась не только военной победой, но и дипломатическим соглашением, о чем уже говорилось выше—сестра Гагика II была выдана замуж за Абу-л-Асвара.

У Скилицеса налицо явное искажение действительного положения Гагика после сдачи царства—в изгнании (в Каппадокии) Гагик находился в окружении врагов, происходили частые столкновения с местными греческими владетелями, в результате которых он и погиб¹².

Таким образом, поездку Гагика в Константинополь никак нельзя объяснить причинами военного характера. Она была обусловлена дипломатическими маневрами и уловками имперского двора. Об этом недвусмысленно пишет как Аристакес Ластивертци, так и Маттеос Урбаеци. О сведениях второго будет сказано ниже. Весьма цепное сведение Ластивертци дополняет картину дипломатического давления и циничного обмана. Поскольку армянский царь не соглашался на свидание с императором, последний прибег к хитрости; он поклялся, что намерен признать законные права Гагика и лишь для этого вызывает его к себе. Ластивертци пишет об этом: «Итак, в 494 году (1045) был захвачен город Ани не по закону войны, но лукавой речью. Ромеи, поклявшись на кресте, заставили Гагика согласиться с волей императора, который будто бы сказал, мол, как увижу тебя, верну твое царство и признаю тебя непременно наследником твоей страны и твоего города»¹³. Вот средство, которым заманили Гагика в Константинополь: если он после долгих колебаний все же решился на свидание с императором, то лишь потому, что ему клятвенно было обещано признание его законных прав на царство. Такова была действительная причина поездки царя Гагика.

Именно военное поражение империи вынудило императорский двор прибегнуть к уловкам и махинациям. Эта безнравственная акция по отношению к армянскому царю, имевшая трагические последствия для всей страны, естественно, вызвала резко отрицательный резонанс в Армении. Армянские авторы, рассказывая об этих событиях, вкладывают в свое повествование и эмоции, но через эмоционально-нравственный аспект они передают историческую действительность, причем намного объективнее, нежели византийский автор Скилицес.

Неверно также, будто внутривосточные позиции шахиншаха были слабы. Правда, оппозиция группировки Саргиса в определенной степени усложняла его положение, но позиции Гагика по сравнению с Саргисом были явно сильнее, иначе он не победил бы в придворной борьбе. Не убедительны также и другие доводы В. Степаненко. Если Аристакес Ластивертци ничего не знает о послании Саргиса императору и выдаче ему ключей от Ани, то это совершенно не

¹¹ Маттеос Урбаеци, с. 87, 88. Тот же Абу-л-Асвар потерпел поражение от армянского войска в 1040 г., еще при Иованнесе, который вместе с Сюником и Абхазией пришел на помощь лорийскому царю Давиду (Маттеос Урбаеци, с. 79—82).

¹² О столкновениях Гагика и других армянских феодалов с греческими, а также об убийстве Гагика владетелями крепости Кизистра подробно рассказывает Маттеос Урбаеци (с. 219—220).

¹³ Повествование, с. 84.

означает, что сведение Урбаеци недостоверно. В «Повествовании» Аристакеса отсутствует ряд сведений, содержащихся в «Истории» Урбаеци (в частности, сдача Карса Византии). Но это не означает, что Маттеос их выдумал. Такие примеры можно умножить.

В целом можно констатировать, заключает В. Степаненко, что поведение Хайказна в 1042—1044 гг. не дает оснований рассматривать его как убежденного византинофила и проводника экспансионистских планов империи в Закавказье. Объективно *группировка* (курсив наш—Р. М.) Хайказна выступала как союзник империи, Грузии или любого другого государства, способного использовать внутренние усобицы в своих интересах. Но Саргис боролся с Гагиком II отнюдь не в интересах Византии, а преследовал свои цели, не совпадающие с имперскими и даже противоречащие им. Саргис Хайказн боролся за власть в арийском уделе, будучи его регентом. Неудача вынудила его искать поддержку извне¹⁴.

После вышеизложенного ошибочность такого заключения не вызывает сомнений. Прямо наоборот—на фоне сведений Аристакеса Ластивертци, Маттеоса Урбаеци и других историков XII—XIII вв. Саргис Айказн предстает как убежденный византинофил. Если и есть необходимость по-новому рассмотреть деятельность Саргиса, его провизантийской политики, то лишь для того, чтобы объяснить причины, побудившие его к этому.

Что заставило Саргиса и определенную часть армянской знати ориентироваться на Византию? Этот вопрос в армянской историографии специально не рассматривался, однако в этой связи есть интересные высказывания, заслуживающие внимания. Еще М. Чамчян в свое время писал, что Саргис и католикос Петрос выражали готовность сдать страну императору, если он защитит их от врагов¹⁵. Правда, мысль выражена не совсем четко—кого они имели в виду, но врагами в тот период были сельджуки. Следовательно, по мнению М. Чамчяна, часть знати надеялась защитить страну от нашествия сельджукских орд ценой сдачи ее Византии. Вторым затронул этот вопрос в указанном аспекте М. Орманиян. В связи с событиями 1045 г. и сдачей Ани он пишет, что, вероятно, некоторые сочтут возможным снисходительно отнестись к поведению католикоса Петроса, считая, что он потерял надежду на самостоятельное существование Армянского царства и из-за угрозы сельджукского вторжения в византийском владычестве искал гарантии на будущее. Но, продолжает автор, в той степени, в какой существовала организованная власть. Союз армянских княжеств представлял значительную силу, он мог добиться покровительства, а не предавать свое (государство), продав свою родину чужестранцам и получив взамен двойное или тройное вознаграждение¹⁶.

В высказываниях указанных авторов выражена мысль о том, что часть армянской знати предпочитала сдать страну империи и таким путем оградить ее от вторжения сельджуков. Весьма интересная мысль, которая после Орманияна, к сожалению, не нашла поддержки¹⁷.

¹⁴ В. Степаненко, указ. соч., с. 172.

¹⁵ М. Чамчян, История Армении, т. 2, Венеция, 1785, с. 933.

¹⁶ М. Орманиян, Азгапатум, т. 1, Константинополь, 1912, с. 1230, 1231.

¹⁷ Считаю необходимым отметить, что того же мнения придерживался ныне покойный сотрудник Института истории АН Армении С. Борназян (устное сообщение).

Другой новый тезис В. Степаненко о том, что нет аргументов в пользу традиционного толкования внутриполитической борьбы в Анийском царстве в 10—40-х годах XI в. (должно быть—в 20—40-х годах—Р. М.) как борьбы патриотической и провизантийской группировок, возглавляемых соответственно Ваграмом Пафлавуни и Саргисом Ханказном, ибо по его мнению это была лишь внутриполитическая ориентация отдельных политических деятелей данного периода—абсолютно не обоснован. Мы привели данные первоисточников, указывающих на прямо противоположное. Были именно группировки, а не отдельные деятели. Более чем странно, что В. Степаненко, так принципиально отрицающий существование группировок, в своей статье очень часто употребляет выражения—«оппозиция», «сторонники», «группировка», т. е. сам указывает на существование того, что пытается отрицать¹⁸.

Особо надо отметить заблуждение В. Степаненко в вопросе позиции В. Пафлавуни по отношению к Гагику II. По его мнению, Пафлавуни отошли от Гагика, что ознаменовало окончательный крах и предопределило его капитуляцию¹⁹. О каком отходе Пафлавуни идет речь? Ваграм Пафлавуни никогда не отходил от Гагика. Наоборот, он был принципиальным противником свидания последнего с императором. Его преданность престолу и его законному наследнику, а после—законному правителю (т. е. Гагику) настолько явно отражена в сочинениях Аристакеся и Маттеоса, что совершенно нет необходимости приводить их здесь.

Даже после удаления Гагика Пафлавуни остались верны Багратидам, узнав, что Гагик, не вернется на родину, пишет Маттеос Урбаеци, армянское войско (т. е. спарпет Пафлавуни и его сподвижники) собрали весь город (Ани) к могилам «первых» царей Армянских (т. е. Багратидов) и оплакивали осиротение народа армянского, оплакивали и царский престол, своего царя Гагика и весь род Багратуни и проклинали предателей Гагика²⁰. Степаненко в доказательство «отхода» Пафлавуни указывает на тот факт, что Григор Пафлавуни (Магистрос), находясь в Константинополе (куда он прибыл вслед за Гагиком), сдал свои владения императору. Но это произошло уже после пленения Гагика, приведенный факт не может явиться доводом для подобного вывода.

Удивление вызывает заявление В. Степаненко о том, что «ни один из современных описываемым событиям источников не сообщает никаких данных о деятельности византинофилов в целом и Хайказна в частности летом—осенью 1045 г.»²¹. Выше мы привели данные Аристакеся Ластивертци и Маттеоса Урбаеци²², которые прямо указывают на деятельность византинофилов во главе с Айказном. Остается лишь сожалеть, что В. Степаненко не обратил на них внимания.

¹⁸ Один из характерных примеров, где автор сам указывает на существование группировок. К 30-м годам XI в., пишет он, Саргис занимает исключительное положение при дворе Иованнеса и, возможно, становится одним из лидеров той части феодалов, которая со времени конфликта 1017 г. (должно быть—1020 г.—Р. М.) срызала свою судьбу с шахиншахом и после Трапезундского соглашения оказалось в одном лагере с Византией (указ. соч., с. 165). Оказывается, была «часть феодалов», т. е. группировок со своим лидером.

¹⁹ В. Степаненко, указ. соч., с. 171.

²⁰ Маттеос Урбаеци, с. 97.

²¹ В. Степаненко, указ. соч., с. 171.

²² Маттеос пользовался сочинениями авторов X—XI вв. и его «Историю» вполне можно считать первоисточником для истории XI в.

Не менее странным выглядит вывод автора из того факта, что имя Саргиса исчезает со страниц армянских источников еще до описания ими отречения шахиншаха, а судьбы остальных политических деятелей этого периода, даже оказавшихся за пределами Анийского царства или признавших власть империи, прослежены ими до конца. Умолчание источников о судьбе Саргиса можно объяснить лишь тем, что он действительно исчезает с политической арены к лету 1045 г. Ни один источник не сообщает о переходе его на сторону Византии, что было бы естественно в свете приписываемой ему внешнеполитической ориентации. Молчание источников (армянских и византийских), по мнению В. Степаненко, свидетельствует о том, что Саргис не участвовал в событиях, приведших к передаче Анийского царства Византии католиком или горожанами Ани²³.

Во-первых, сведения армянских источников о том, что Айказн уговаривал царя Гагика выехать в Константинополь, относятся к 1045 г., до отречения Гагика II. Что касается других деятелей, то это Григор и Ваграм Пафлавуни, католикос Петрос. Но они намного более крупные исторические фигуры и вполне естественно соответствующее к ним отношение современных писателей.

Во-вторых, что значит «ни один источник не сообщает о переходе его на сторону Византии»? А слова Маттеоса Урбаци — «...Азат Саргис Айказн известил ромеев и передал страну Армянскую». Или сообщение Аристакеса Ластивертци: «Прибыв в Сурмари, он коварно замыслил передать все, чем владел, под владычество ромеев и самому перейти к ним».

В числе непосредственных исполнителей акта сдачи Ани Степаненко упоминает также горожан Ани. Он имеет в виду рассказ Урбаци о сборе народа у могил Багратидских царей, приведенный нами выше. Но этот рассказ лишь сообщает, как оплакивали горожане и войско (знать) падение Багратидов и проклинали предателей (т. е. в первую очередь Саргиса). Если предатели поименно не упомянуты, это не значит, что они не причастны к сдаче города. Что же касается того, что горожане (т. е. отцы города) призвали византийского наместника и сдали ему город, то это было сделано согласно грамоте Гагика, которую в Константинополе он дал императору.

Молчание источников о Саргисе еще не означает, что он бесследно исчез. Вполне естественно предположить, что рано или поздно его след будет найден в источниках.

Обобщая наши замечания относительно «новой концепции» В. Степаненко, можем лишь сказать, что попытка переоценить политический курс Саргиса, отвернуть его провизантийскую ориентацию и решающую роль в сдаче Ани Византии откровенно надуманна и явно противоречит как ситуации, сложившейся при Багратидском дворе в 1041—1045 гг., так и прямым указаниям армянских первоисточников²⁴.

²³ В. Степаненко, указ. соч., с. 171.

²⁴ Невозможно согласиться и с некоторыми другими замечаниями В. Степаненко. К примеру, по его мнению, Гагик II занял престол лишь благодаря государственному перевороту. О каком перевороте идет речь? Гагик занял престол на законном основании благодаря выполнению соглашения 1020 г. о переходе власти во всем Багратидском царстве Ашоту IV (в данном случае — его законному наследнику). Вот если бы к власти пришел Саргис, то действительно произошел бы государственный переворот, поскольку сменилась бы династия. Неприемлемы также высказывания В. Степаненко относительно внешнеполитической ориентации спаралета Ваграма Пафлавуни. Но об этом будет сказано отдельно.

ՔԱՂԱՔԱԿԱՆ ԽՄԲԱՎՈՐՈՒՄՆԵՐԸ ԲԱԳՐԱՏՈՒՆՅԱՑ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ
ԱՆԻՆ ԲՅՈՒՋԱՆԴԻԱՑԻ ԿՈՂՄԻՑ ՆՎԱՃԵԼՈՒ ՆԱԽՈՐԵՆ

Ռ. Ի. ՄԱՏԵՎՈՍՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

1041—1045 թթ. Բյուզանդիան ձեռնարկել էր Բագրատունյաց թագավորության նվաճմանը: Հայ պատմագիտության մեջ վաղուց ի վեր ցույց է արված, որ այդ շրջանում Բագրատունյաց արքունիքում և երկրում առաջ էին եկել հակադիր ծրագրերով պայքարող երկու խմբավորում: Առաջինը սպարապետ Վահրամ Պահլավունու գլխավորությամբ մաքառում էր հայոց պետականությունը փրկելու համար: Մյուսը (որի ազդեցիկ պարագլուխներն էին պալատական Վեստ Սարգիսը և կաթողիկոս Պետրոս Դեատադարձը) ձգտում էր երկիրը հանձնել կայսրությանը: Վերջերս բյուզանդադետ Վ. Ստեպանենկոն փորձեց վերանայել ընդունված տեսակետը. նրա կարծիքով Բագրատունյաց արքունիքում խմբավորումներ գոյություն չեն ունեցել, իսկ նշված գործիչները հետապնդել են սեփական շահերը:

Սակայն այս վարկածը ընդունելի չէ, այն չի հաստատվում սկզբնաղբյուրների տվյալներով: Որոշ դեպքերում Վ. Ստեպանենկոն սխալ է մեկնաբանում XI—XII դդ. պատմիչների (Արիստակես Լաստիվերտցի, Մատթեոս Ուռհաթցի) հաղորդումները:

POLITICAL GROUPS IN BAGRATUNIAN ARMENIA ON THE EVE OF
THE CONQUEST OF ANI BY BYZANTINE

R. I. MATEVOSSIAN

S u m m a r y

In 1041—1045 Byzantine undertook the conquest of Bagratunian kingdom. In the Armenian historiography long ago it is shown, that in that period in Bagratunian court and in the country two fighting groups with contrary programmes came forward. The first group, headed by the commander-in-chief Vahram Pahlavuni struggled to save the Armenian state. The other one (whose influential leaders were courtier Vest Sargis and catholicos Petros Getadardz) aspired to give the country to the empire. Recently specialist of Byzantine V. Stepanenko tried to reconsider the adopted position: he thinks that there was no grouping in the court of Bagratuni and above-mentioned figures followed private self-interests.

But this version is not admissable, it is not confirmed with the primary sources. In some cases V. Stepanenko interprets incorrectly the informations of the historians of the XI-XII cc. (Aristakes Lastivertsi, Mattheos Urhjetsi).